

РУДЕНКО М. Н. (АСТРАХАНЬ)

**ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОППОЗИЦИИ
В МАКЕДОНСКОЙ АРМИИ В 334–330 ГГ. ДО Н. Э.**

отечественной и зарубежной историографии признается наличие бесспорных связей между двумя явлениями – завоевательными планами Александра Македонского и оппозицией, возникшей в его армии в ходе Восточного похода. Причем планы выступают в качестве одной из главных причин распространения оппозиционных настроений среди македонян, составлявших основу армии, завоевавшей всю известную тогда ойкумену почти целиком¹. В данной статье я постараюсь доказать, что кроме приведенной выше связи, оппозиция может служить четким индикатором для выявления масштабов завоевательных планов Александра, когда он готовился к вторжению в пределы державы Ахеменидов, уходившей в необъятные и столь мало известные грекам просторы Востока.

Также важным представляется проанализировать и другие факты, способные прояснить замыслы македонского царя. В первую очередь, это касается стратегии предстоящего Восточного похода. Она поможет нам сначала выяснить минимальный объем завоевательных планов, вытекавший из этой стратегии, затем рассмотреть оппозиционные настроения, что поспособствует полному восстановлению картины первоначальных планов.

Конечно, все это не идет дальше гипотетических предположений, что во многом обуславливается характером источников об эпохе Александра. Все они датируются периодом не ранее I в. до

---

¹ Шофман А. С. О социальной сущности македонской оппозиции в армии Александра // Ученые записки КГУ. 1957. Т. 117. Кн. 9. С. 65–71.

н. э., то есть создавались по прошествии нескольких столетий после его смерти на основе первичных источников, до нас недошедших. Поэтому опираться на прямые высказывания Александра, касающиеся завоевательных планов, необходимо с известной степенью осторожности, ибо поздним авторам был прекрасно известен результат Восточного похода и они, вольно или невольно, могли исказить общую картину². Главная роль должна отводиться, все-таки, различным косвенным данным – стратегии Александра и оппозиции в его армии.

Итак, для достижения поставленной цели следует начать с рассмотрения стратегических планов Восточного похода. Это ставит вопрос о степени преемственности между завоевательной политикой отца и сына – Филиппа II и Александра. Действительно ли Александр просто унаследовал уже готовую стратегию или радикально изменил ее? Обычно считается доказанным присутствие у Филиппа весьма ограниченных планов, охватывавших лишь прилегавшие к Эгееде территории Малой Азии. Стратегические замыслы македонского царя также отличались осторожностью и традиционностью. Это находит проявление в широком привлечении к предстоящему походу контингентов греческих союзников. Греция IV в. до н. э. действительно могла предоставить в распоряжение амбициозного вождя большую массу достаточно умелых и профессиональных воинов, особенно это касалось наемников³. Если сообщение Юстина о численности греческих вооруженных сил Коринфской лиги (до 200 тысяч пехотинцев и 15 тысяч всадников – Just. IX.5.6) и является преувеличением позднего автора, то это не

---

² Хотя такой авторитетный исследователь, как Н. Хэммонд отстаивает точку зрения, согласно которой речи Александра, приводимые Аррианом, восходят к первичным источникам и поэтому достоверно излагают факты и царские планы. См.: *Hammond N. G. L. The Speeches in Arrian's Indica and Anabasis // CQ. 1999. Vol. 49. P. 238–253.* Анализ речей см.: *Tarn W. W. Alexander the Great. Sources and Studies. Cambr., 1950. Vol. II P. 286–296, Bosworth A. B. From Arrian to Alexander. Oxf., 1988. P. 94–135.*

³ *Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 215 сл.*

меняет сути. Филипп планировал максимально использовать военный потенциал Эллады, даже если ставить под сомнение конкретные цифры, приводимые Юстином. Это также в полной мере относится к военно-морским силам греческих полисов, союз с которыми был необходимым для борьбы с мощным флотом персов и обеспечения коммуникаций, без чего поход, с большой долей вероятности, оказывался обреченным на неудачу. М. Маркл в статье о стратегии македонского царя задается вопросом – почему при значительном военном превосходстве над важнейшим греческим полисом Афинами Филипп неизменно стремился к заключению с ним мира, причем это было частью его стратегии. По мнению М. Маркла, данный факт легко объяснить, если принять во внимание желание македонского царя использовать афинский флот в войне с Ахеменидами, неизбежность которой была ясна даже в 346 г. до н. э.⁴ Именно эти 300 триер с уже подготовленными экипажами, чье содержание не ложилось на казну Македонии, и заставляли Филиппа деликатно относиться к Афинам.

Возможно, еще одним косвенным подтверждением стратегии царя и показателем его планов может являться публицистическое наследие Исократов. Как известно, одной из главных идей последнего была неоднократно высказываемая им в своих речах мысль о необходимости прекращения бесконечных военных конфликтов между греческими полисами, объединения их усилий и завоевания части Персидской империи, чьи ресурсы помогли бы Греции решить ее экономические и социальные проблемы. При этом замыслы Исократов не простирались дальше Малой Азии, хорошо знакомой эллинам (*Isocr. Phil.* 120). Анализ речи «Филипп» посвящены несколько работ С. Перлмана⁵, в которых он предлагает отказаться от общепринятого взгляда, будто Исократ стремился убедить Фи-

---

⁴ *Markle M.* The Strategy of Philip in 346 B. C. // *CQ.* 1974. Vol. 24. № 2. P. 252–268.

⁵ *Perlman S.* Isocrates “Philippus” and Panhellenism // *Historia.* 1969. Bd. 18. H. 3. P. 370–374; *idem.* Isocrates, ΠΑΤΡΙΣ and Philip II // *Ancient Macedonia. Thessaloniki,* 1983. Vol. 3. P. 211–227.

липпа действовать в интересах всей Эллады, и считает, что речь, несмотря на первый поверхностный взгляд, написана с проафинских позиций. Аргументы Исократы, обращенные к Филиппу, были призваны не только направить его усилия на объединение греков и возглавить поход на Персию, но и заставить царя привлечь греческие, особенно афинские, силы. Таким образом, оратор стремился доказать македонскому царю необходимость рассматривать эллинов как равноправных партнеров⁶.

Обычно при рассмотрении творчества Исократы делаются попытки оценить только степень его влияния на царей Македонии⁷. Но, возможно, оратор лишь озвучивал замыслы Филиппа, доходившие до греков из македонского лагеря и, таким образом, наличие обратное влияние. Именно на этом настаивают Дж. Коуквелл и Дж. Р. Эллис, относящие возникновение плана Восточного похода к периоду до 346 г. до н. э.⁸ Однако это мнение подвергается справедливой критике М. Эррингтона, который формирование замысла похода датирует временем окончательного подчинения Греции после победы македонян при Херонее в 338 г. до н. э. До этого у Филиппа, занятого войной с греческими государствами, просто не было возможности разрабатывать более глобальные планы⁹. Таким образом, степень влияния Исократы на Филиппа была незначительной и идеи оратора нельзя привлекать для определения планов царя.

Видимо, следует вообще отказаться от точного определения планов Филиппа, из-за отсутствия необходимой для этого источни-

---

⁶ *Perlman S.* Isocrates "Philippus"... P. 373.

⁷ *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики // *Исаева В. И.* Исократ. М., 1994. С. 170–172; *Markle M.* Support of Athenian Intellectuals for Philip. A Study of Isocrates Philippus and Speusippus Letter to Philip // *JHS.* 1976. Vol. 96. P. 80–99.

⁸ *Errington R. M.* Review-Discussion: Four Interpretations of Philip II // *AJAH.* 1981. Vol. 6. № 1. P. 69–88.

⁹ *Errington R. M.* Op. cit. P. 76–78; *idem.* A History of Macedonia. Berkeley, 1990. P. 88. А. Босворт также предлагает позднюю дату – 341 г. до н. э. См.: *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambr., 1988. P. 18.

ковой базы¹⁰. Однако, по моему мнению, можно говорить о желании македонского царя сделать ресурсы Греции инструментом для достижения своих целей, причем с максимальной полнотой.

Что касается Александра, то здесь картина совершенно меняется. Его стратегические замыслы характеризуются отказом от широкого применения греческих контингентов и отказ этот не оставляет никаких сомнений в своей осознанности. Для предстоящего похода Александр привлек всего 12 тыс. пехотинцев эллинов и 600 всадников. Насколько незначительно был использован военный потенциал Греции, становится понятным при сравнении с размерами пополнений, полученных в ходе кампании. А. С. Шофман определяет численность дополнительных контингентов, состоящих из эллинов и прибывших на Восток в основном после 331 г. до н. э., в 43 тысячи 750 человек, не считая того, что большая часть подкреплений из наемников также приходилась на греков¹¹. Потери среди действующей армии, по-видимому, были крайне незначительны и подкрепления не использовались для активных боевых действий¹². На них ложилась функция несения гарнизонной службы, контроля за приобретенными территориями и обеспечения коммуникаций.

Но и те греческие силы, которые находились в армии с самого начала, никогда не использовались македонским царем в сражениях. Для гоплитов, считавшихся одними из лучших воинов в тогдашнем

---

¹⁰ *Sakellariou M. B. Panhellenism: From Concept to Policy // Philip of Macedon. Athens, 1992. P. 146.*

¹¹ *Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 281–283.*

¹² Н. Хэммонд, например, оценивает потери среди собственно македонян примерно в три тысячи человек. См.: *Hammond N. G. L. Casualties and Reinforcements of Citizen Soldiers in Greece and Macedonia // JHS. 1989. Vol. 109. P. 68.* Противоположное мнение отстаивает А. Б. Босворт, считающий возможным говорить о катастрофических потерях в македонской армии и, соответственно, увеличивающий количество пополнений на основе привлечения источников, критически настроенных к Александру. См.: *Bosworth A. B. Alexander the Great and the Decline of Macedon // JHS. 1986. Vol. 106. P. 1–12.* Оба мнения критикуются Р. А. Биллоузом, определяющим македонские потери в 5–7 тысяч человек, то есть 12–20 % от всей армии. См.: *Billows R. A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, 1995. P. 186–189.*

мире и составлявших, в том числе, наиболее боеспособную часть войска его противника Дария, Александр не видел более достойного применения, чем прикрывать обоз за спинами македонян.

Таким образом, можно смело говорить о главной роли именно македонян в завоевании Востока и лишь о вспомогательном значении греков. Конечно, совершенно прав П. А. Брант, делающий ударение на недоверии, которое испытывал Александр к эллинам¹³. Но, как кажется, речь должна идти не только об этом. Александр, бесспорно, считал македонян лучшими воинами в мире и, похоже, всем это хотел доказать, сознательно не привлекая греческие контингенты к военным действиям. Есть много свидетельств тому, как в военных операциях Александр зачастую руководствовался вовсе не рациональными мотивами, а какими-то собственными представлениями о ходе событий. Показательный пример – судьба греческих наемников, сражавшихся на стороне персов в битве при Гранике в 334 г. до н. э. Иранские военачальники разместили греков за колоннами своей конницы, не давая возможности сразу вступить в бой. Такое неудачное расположение персидской армии вызывало много недоумений у военных историков¹⁴. А между тем все становится ясным, если допустить нежелание наемников сражаться с воинами Александра, вторгшегося в Азию с панэллинскими лозунгами. Поэтому сатрапы Дария попытались решить исход битвы только с помощью иранских всадников, не привлекая ненадежные эллинские силы. Анализ сообщения Арриана об этой битве доказывает полное отсутствие всякого сопротивления со стороны наемников, рассчитывавших, вероятно, коллективно сдаться Александру (*Anab.* I.16.2–3). Но он поступил совершенно неоправданно, приказав начать массовую бойню, так как считал греков, находившихся на службе у царя Дария, предателями. В работе Х. Парка, посвященной греческим наемникам, делается предположение, что, дей-

---

¹³ *Brunt P. A. The Aims of Alexander // GR. 1965. Vol. 12. № 2. P. 206.*

¹⁴ Различные мнения о причинах подобного построения см.: *Hammond N. G. L. The Battle of the Granicus River // JHS. 1980. Vol. 100. P. 73–88.* Анализ хода сражения см.: *Bosworth A. B. Conquest and Empire... P. 40–43.*

ствуя подобным образом, Александр пытался предотвратить поступление эллинов на службу к персидскому царю¹⁵. Но при этом во время осады Милета 300 греческих наемников, которые поразили Александра своей храбростью, были зачислены в его армию – лишнее доказательство действий царя в зависимости от ситуации и отсутствия четкой политической линии, которая выдерживалась бы постоянно. Развитие событий на реке Граник имело интересные последствия. В решающих столкновениях с македонянами при Иссе и Гавгамелах Дарий без всяких колебаний располагает греческие силы в центре своей армии, где они принимают на себя удар македонской фаланги и мужественно сражаются, заставляя чашу весов некоторое время колебаться в ту или иную сторону. И все потому, что Александр своим необдуманном решением не оставил эллинам иного выбора, что послужило ярким показателем полного пренебрежения военно-стратегической целесообразностью.

В отношении военно-морских сил замыслы Александра также отличались необычностью. Флот из 160 триер и многочисленных транспортных судов использовался для переправы армии через Геллеспонт, но затем, дойдя до Милета, Александр принимает решение о его роспуске. Уже Арриан четко формулирует стратегию царя – не вступать в сражение с персидским флотом, а нейтрализовать его путем захвата сухопутных военно-морских баз, находившихся в Финикии, корабли которой составляли основу морской мощи Ахеменидов (*Anab.* I.20.1)¹⁶. В связи с этим совершенно непонятны утверждения некоторых историков, что Александр в начале похода стремился подчинить себе только часть Малой Азии¹⁷. Ведь изобретенный им способ борьбы с флотом противника свидетельствует о планах, простиравшихся, как минимум, до Финикии.

¹⁵ Parke H. W. *Greeks Mercenary Soldiers*. Oxf., 1933. P. 181.

¹⁶ Ср. сообщение Арриана и анализ его текста: Шахермайер Ф. Александр Македонский. Ростов-на-Дону, 1996. С. 168–169.

¹⁷ Шофман А. С. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского // ВДИ. 1969. № 4. С. 99.

Стоит обратить внимание на еще одно обстоятельство. Арриан связывает роспуск флота под Милетом с его малочисленностью, которая не позволяла противостоять персам на море. Однако если вспомнить, что Александр удосужился мобилизовать только 20 афинских триер, то эта малочисленность предстает как результат сознательной стратегии, а вовсе не слабости. Тем более, персидский флот являлся уже далеко не такой силой, какой был при Ксерксе, чтобы опасаться открытого столкновения с ним – ведь к Милету подошло всего 300 персидских судов (*Anab.* I.18.5).

Таким образом, стратегия Восточного похода Филиппа и Александра радикально различались. А это, в свою очередь, наводит на мысль и об отсутствии преемственности в завоевательных планах, которые у сына были более глобальны. Во всяком случае, как мы уже убедились, они не могли не включать захват Сирии и Финикии. Но только ли этим хотел ограничиться Александр?

Исследователи пытаются привлечь еще целый ряд фактов, позволяющих обосновать масштабность первоначальных планов Александра. В частности, разбору символических действий, совершенных македонским царем во время переправы через пролив, посвящена специальная работа Х. Инстински «Александр Великий и Геллеспонт»¹⁸. В ней за архетип жертвоприношений Александра в проливе Геллеспонт, на реке Гидасп в Индии и при выходе в Индийский океан принимается принесение жертв царем Ксерксом, сопровождавшее переправу из Азии в Европу в 480 г. до н. э. Во всех случаях речь идет о торжественном возлиянии и бросании в воду драгоценных предметов. Соответственно, Х. Инстински рассуждает следующим образом: подобно тому, как Ксеркс, считая себя владыкой Азии, претендовал на господство над всей Европой, так же и Александр похожими жертвоприношениями пытался обеспечить завоевание всей Азии. Однако, несмотря на внешнее сходство ритуалов, влияние персидского царя на македонского за-

---

¹⁸ *Instinsky H. U. Alexander der Grosse am Hellespont. Wurzburg, 1949. S. 72.*

воевателя ничем не подтверждается, кроме домыслов автора, за что работа и подвергается справедливой критике Ф. Уолбанка¹⁹.

Но переправа через пролив завершилась еще одним символическим актом. По сообщению Диодора Сицилийского, перед высадкой на азиатский берег Александр, метнув в него копье, объявил, что Азия дарована ему богами (XVII.17.2). Данное сообщение было подробно проанализировано Е. Фредриксмейером. Рассматривая его как историчное, он не может не признать того факта, что сам термин «Азия» имел в греческом мире слишком неопределенное значение, которое могло меняться в зависимости от конкретной ситуации²⁰. Таким образом, сведения Диодора на самом деле мало информативны в смысле определения границ завоеваний, планируемых македонским царем.

Еще один эпизод связан с провозглашением Александра «царем Азии» (βασιλεὺς δὲ τῆς Ἀσίας Ἀλέξανδρος ἀνηγορευμένος), которое случилось после решающей победы над Дарием осенью 331 г. до н. э. (Plut. *Alex.* 34). Ряд ученых считает возможным говорить об официальном характере данной церемонии, происходившей на армейском войсковом собрании²¹. Этот титул свидетельствовал о претензиях на покорение обширных территорий и подтверждается

¹⁹ См. рец. Ф. Уолбанка в JHS. 1950. Vol. 70. P. 79–81.

²⁰ *Fredricksmeier E. A. Alexander, Zeus Ammon and the Conquest of Asia // TAPhA. 1991. Vol. 121. P. 202–203.* О значении термина «Азия» см.: *Oost S. I. The Alexander Historians and Asia // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 265–282*, где убедительно оспаривается мнение У. Тарна об эквивалентности этого понятия Персидской империи. С. Оост полагает, что под Азией мог пониматься как континент, неопределенный географический регион на востоке греческого мира, так и Персидская империя и в большинстве случаев невозможно сказать, какое из значений преобладает. Историчность сообщения Диодора принимается также А. Босвортом. См.: *Bosworth A. B. Conquest and Empire... P. 38.*

²¹ *Шахермаеър Ф. Александр Македонский. С. 249–250; Wilcken U. Alexander der Grosse. Leipzig, 1931. S. 137; Hammond N. G. L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman. L., 1981. P. 150–151.* Дж. Р. Гамильтон признает сам факт, однако отрицает официальный характер провозглашения. См.: *Hamilton J. R. Plutarch: Alexander. A Commentary. Oxf., 1969. P. 90.*

посвятительной надписью на дарах, посланных Александром в храм Афины в городе Линд на острове Родос²².

Однако положение о включении в официальную титулатуру определения «царь Азии» ставится под сомнение Р. Локком. Во-первых, в сообщении Плутарха не говорится исключительно о македонянах, что было бы естественным если провозглашение осуществлялось на народном собрании. Во-вторых, в надписи из Линда титул Александра заметно отличается от приводимого Плутархом и звучит как «владыка Азии» (*κύριος τῆς Ἀσίας*). Это, по мнению Локка, может быть не более чем отражением действительного покорения Азии, а вовсе не официального употребления титула²³.

С моей точки зрения, наиболее убедительным доказательством наличия у Александра глобальных планов может служить возникновение оппозиционных настроений в македонской армии. Как уже было определено, завоевания должны были доходить, по меньшей мере, до Сирии – Финикии. Здесь, во время семимесячной осады Тира (февраль–август 332 г. до н. э.), к Александру прибыло посольство от Дария с условиями мира, по которым Персия отказывалась от всех земель к западу от Евфрата и выплачивала сумму в 10 тысяч талантов (Арг. *Anab.* II.25.1). На совете гетайров, где обсуждалось это предложение, произошло первое открытое проявление оппозиции со стороны Пармениона, пытавшегося настаивать на отказе от дальнейшего продвижения на Восток и принятии персидских условий²⁴. Возможно, Парменион был ориентирован на завоевательные цели Филиппа, но это лишь предположение, которое сложно доказать. Этот аристократ занимал в македонской армии ведущее после царя положение и с помощью своих сыновей контролировал все наиболее важные ко-

---

²² *Fredricksmeier E. A. Op. cit. P. 207–208.*

²³ *Lock R. The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // CPh. 1977. Vol. 72. № 2. P. 99–100.*

²⁴ *Ковалев С. И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция // ВДИ, 1946. № 3. С. 46–56; Tarn W. W. Alexander: Conquest of Persia // САН. 1953. Vol. VI. P. 376.*

мандные посты²⁵. Не затрагивая сейчас вопроса о распространенности взглядов Пармениона в среде аристократии, хочется отметить другое обстоятельство. Наши источники ничего не говорят о наличии недовольства у рядовых воинов, возникновение которого стоило ожидать если бы предложения Дария соответствовали поставленным перед македонянами задачам. Учитывая степень демократизма, присущую македонскому обществу, царь не мог принимать важных решений в обход народного собрания, а цели Восточного похода к числу таковых решений, безусловно, относились. Македонское армейское собрание хотя и собиралось редко, но было постоянно функционировавшим институтом в правление Александра. Всего подобных собраний было проведено не менее семи²⁶. Поэтому если завоевательные планы Александра не доходили до территорий западнее Евфрата, то после посольства Дария возникла бы потребность обосновывать перед армией необходимость дальнейшего продолжения похода. Но этого царю делать не пришлось, а значит, македонские войны в Финикии знали, что конечная цель еще не достигнута.

Итак, не Сирия – Финикия, а, по меньшей мере, земли за Евфратом. Именно там располагались стратегические объекты, которые изначально интересовали Александра – столицы державы Ахеменидов. После их покорения Александр пытается продолжить движение на Восток, но впервые встречает сопротивление собственной армии (Plut. *Alex.* 47). Для разрешения данной ситуации в августе 330 г. до н. э. в Парфии проходит народное собрание²⁷. О том, какие вопросы на нем обсуждались, нас информирует Плутарх: Александр убеждал воинов в необходимости подчинения восточных сатрапий Персидской империи (*Alex.* 47). Таким образом, когда старые завоевательные цели себя исчерпали, царь сформулировал их модифицированный вариант.

²⁵ Badian E. The Death of Parmenio // TAPhA. 1960. Vol. 91. P. 328.

²⁶ Faure P. La vie quotidienne des armées d'Alexandre. P., 1982. P. 125–129.

²⁷ Ibid. P. 126.

Наличие оппозиционных настроений наиболее логично было бы связать именно с тем, что македоняне после сожжения Персеполя считали поход завершённым. Больше причин для волнений в армии просто не было, так как восточная политика Александра, вызвавшая столько недовольства впоследствии, к лету 330 г. до н. э. по сути еще не начала проводиться. Но Александр сумел использовать институты македонского народного собрания в собственных интересах, заставив его утвердить новые завоевательные планы. Эти представления безболезненно укладываются в рамки модели функционирования народного собрания, предлагаемой Р. Локком. Он не приписывает данному органу четко определенных правовых полномочий или жесткой процедуры проведения. Македонские цари обращались к народному собранию по мере необходимости для одобрения своих действий и придания им дополнительной легитимности²⁸.

По моему мнению, нельзя отказываться от попыток выяснить масштабность планов Александра в начале похода. Такому пути следует, например, У. Тарн, находящий у царя отсутствие четких замыслов и, соответственно, стремление действовать по обстоятельствам. Когда поход стал складываться удачно, постепенно в голове Александра появилась идея о покорении всей Персидской империи, возможно, не ранее победы над Дарием при Иссе²⁹. В целом поддерживает У. Тарна и А. Босворт, отрицающий наличие каких-либо указаний для определения имперских амбиций Александра³⁰.

Может быть, такая точка зрения вполне оправдана по отношению к отдельной личности, но едва ли ко всей армии, которая

---

²⁸ *Lock R.* Op. cit. P. 91–107. Точку зрения Р. Локка разделяет Е. Борза. Дискуссию о политических институтах Македонии времен Филиппа II и Александра см.: *Borza E. N.* In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, 1990. P. 230–248. Анализ политического строя Македонии, подтверждающий мнение Р. Локка, см.: *Errington R. M.* The Nature of the Macedonian State under the Monarchy // *Chiron*. 1978. Vol. 8. P. 77–133; *idem.* A History of Macedonia... P. 218–229.

²⁹ *Tarn W. W.* Alexander the Great. Narrative. Cambr., 1948. Vol. I. P. 8–9; *idem.* Alexander: Conquest of Persia // САН. 1953. Vol. VI. P. 353, 378.

³⁰ *Bosworth A. B.* Conquest and Empire... P. 38.

должна быть информирована о целях предстоящей войны. Именно к такому взгляду приводит анализ возникновения оппозиционных настроений среди македонских воинов. Стратегия Александра, использованная им для нейтрализации персидского флота, показывает, что захват Сирии – Финикии не мог не планироваться с самого начала. О наличии у Александра масштабных планов говорят зафиксированные в источниках факты отсутствия оппозиции в армии при отказе от мирных предложений Дария в Финикии и возникновение недовольства при попытке продолжать поход в восточные сатрапии в 330 г. до н. э. Первоначальной стратегической целью был полный военный разгром державы Ахеменидов и захват ее столиц. После ее достижения царь на народном собрании сформулировал новые, уже более глобальные завоевательные планы.